

УДК 82.09

**ФЕНОМЕН ПРАВЕДНИЧЕСТВА В ОСМЫСЛЕНИИ
ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ И КРИТИКИ**

Гудкова С. П.

д. ф. н., профессор

*ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н. П. Огарева»*

Саранск, Россия.

Сотков В. А.

аспирант

*ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н. П. Огарева»*

Саранск, Россия.

Аннотация. В статье рассматривается феномен праведничества в оценке отечественного литературоведения и критики. В ходе исследования доказывается, что в русской литературе праведничество репрезентируется как изображением духовного пути к Божьей Правде, миру идеального бытия, так и образами героев-праведников, являющихся носителями христианских ценностей, выразителями идей православия и христианской этики.

Ключевые слова: христианство, праведничество, герой-праведник, характер, религиозно-нравственные аспекты.

**THE PHENOMENON OF RIGHTEOUSNESS IN THE INTERPRETATION
OF NATIONAL LITERARY STUDIES AND CRITICISM**

Gudkova S. P.

DLitt, professor

National Research Mordovia State University

Saransk, Russia.

Sotkov V. A.

Ph.D. candidate

National Research Mordovia State University

Saransk, Russia.

Abstract. The article deals with the phenomenon of righteousness in the assessment of domestic literary studies and criticism. The study argues that in Russian literature, righteousness is represented as the image of the spiritual path to God's Truth, the world of ideal being, and also as images of righteous heroes who are carriers of Christian values, spokesmen of the ideas of Orthodoxy and Christian ethics.

Key words: Christianity, righteousness, righteous hero, character, moral and religious aspects.

Сегодня отечественное литературоведение меняет вектор своего научного интереса, все чаще наблюдается обращение к осмыслению религиозно-нравственных аспектов художественного текста. Современные исследователи обращаются к изучению духовных традиций русской словесности, специфики функционирования евангельского текста в художественных произведениях, рассмотрению феноменов «соборности», «пасхальности» в русской литературе и др. Особое место в этом ряду, на наш взгляд, принадлежит феномену праведничества, подразумевающему целый комплекс явлений, связанных, прежде всего, с особым для русской литературы типом героя-праведника.

В связи с этим актуальной становится проблема праведничества и осмысление типа героя-праведника. Русские писатели XIX столетия (от романтиков до Л. Н. Толстого и А. П. Чехова), представили многообразие трактовок праведничества и свое видение образа героя-праведника.

Следует признать, что представление о нравственных исканиях человека, о характере воплощения нравственного идеала как личного, так и общественного, складывается уже в древнерусской литературе и в первую

очередь в произведениях агиографического жанра. В дальнейшем тема воплощения нравственного идеала будет подниматься и в литературе XVIII века. Однако свое полное и всестороннее развитие она получит лишь в литературе XIX века и прежде всего в творчестве Н. С. Лескова.

Существуют многочисленные толкования слова «праведник». Например, энциклопедический словарь «Христианство» слово «праведники» («праведные») трактует как «святые, пребывающие в мире не в отшельничестве, а в обычных условиях семейной и общественной жизни, и, в частности, святые ветхозаветные, например, “праведный Ной”, “праведный Симеон и Анна”, “праведный Иов многострадальный”». Праведниками также называются «лица местно чтимые как святые, но еще не канонизированные церковью» [7, 379].

Очевидно, что толкование этого понятия принято рассматривать в контексте религиозного и прежде всего православного миропонимания. Однако заметим, что в православии слово «праведник» и близкое ему «праведность» понимаются как подвижническая, святая жизнь человека во славу Божию в обычной мирской жизни, а не только строгое следование церковным предписаниям, аскетическая монастырская жизнь. Амбивалентное значение этих понятий в православии порождает многообразие трактовок «праведника» и «праведничества» и в русской литературе, традиционно рассматривающей их с точки зрения нравственной и духовной идеализации.

Среди отечественных литературоведов ведутся споры о том, какой герой может считаться праведником. Истоки подобной полемики, безусловно, отсылают к древнерусской литературе, в которой отразилась народная мечта об идеальном мире и идеальном человеке. Однако мысль о том, каким должен быть положительный герой эпохи обоснованно была представлена, как мы уже отмечали, лишь писателями XIX века. Так, показательной в этом отношении явилась статья И. С. Тургенева «Гамлет и Дон-Кихот» (1859), которая появилась в обстановке приближающихся общественных реформ, когда злободневными стали вопросы о типе передового общественного деятеля. Именно эти вопросы и легли в основу статьи И. С. Тургенева. Решались они в свете сопоставления двух

«вечных» образов мировой литературы – Гамлета и Дон Кихота. В этих образах писатель увидел «две коренные, противоположные особенности человеческой природы – оба конца той оси, на которой она вертится» [5, 331]. По его мнению, Гамлет и Дон Кихот – два разных типа поведения человека, противоборство мысли и воли. Более того, писатель был убежден, что и все человечество можно разделить на эти два типа.

Дон Кихот для него был своеобразным идеалом, приближенным к образу праведника. По мысли Тургенева, Гамлет является воплощением размышления, самоанализа, а Дон Кихот – деятельности, энтузиазма. И. С. Тургенев подчеркивает преданность Дон Кихота идеалу, его альтруизм, бескорыстие, жизнь для других, величие духа, энтузиазм, служение идее: Гамлет же воплощает «анализ прежде всего и эгоизм, а потом безверье. Он весь живет для самого себя. Сомневаясь во всем, Гамлет, разумеется, не щадит самого себя; <...> он сознает свою слабость, но всякое самосознание есть сила; отсюда проистекает его ирония, противоположность энтузиазму Дон-Кихота» [5, 333].

Размышления Тургенева о типах гамлетов и донкихотов имели непосредственное отношение к его собственному творчеству. Его персонажей можно, конечно, условно, разделить на эти типы. Следует иметь в виду, что тургеньевские герои – это не просто копии образов Сервантеса и Шекспира. Они являются русскими характерами, которые автор обнаруживает в реальной жизни, но вместе с тем и воплощают некоторые общие черты образов мировой литературы.

Размышляя о трудности создания «положительно прекрасного человека» и Ф. М. Достоевский. Работая над романом «Идиот», он писал своей племяннице С. А. Ивановой: «Идея романа – моя старинная и любимая, но до того трудная, что я долго не смел браться за нее <...>. Главная мысль романа – изобразить положительно прекрасного человека. Труднее этого нет ничего на свете, а особенно теперь. Все писатели, не только наши, но даже все европейские, кто только ни брался за изображение положительно прекрасного, – всегда пасовал. Потому что это задача безмерная. Прекрасное есть идеал, а идеал – ни наш, ни

цивилизированной Европы – еще далеко не выработался. На свете есть одно только положительно прекрасное лицо – Христос, так что явление этого безмерно, бесконечно прекрасного лица уж конечно есть “бесконечное чудо”» [2, т. 28, 251]. Создавая героев, ориентированных на образ Богочеловека (князь Мышкин, Алеша Карамазов), писатель осознавал, что «нравственная непостижимость», «просветленный лик» Христа нельзя повторить во внешнесобытийной буквальности, но можно в разной степени вмещать его дух и плоды и освещать «Светом Христовым» несовершенные проявления всего «чисто человеческого», в том числе и его наилучших образцов: «Из прекрасных лиц в литературе христианской стоит всего законченнее Дон Кихот. Но он прекрасен единственно потому, что смешон» [2, т. 28, 251].

Итак, размышления русских писателей не касаются напрямую образа героя-праведника, однако осмысление положительного героя ведется ими в парадигме православной культуры. Образы положительных героев русской классической литературы воплощают авторский идеал прекрасного, органичной составляющей которого являются и христианские представления русского этноса, этические нормы православия. Проблема личности становится центральной в русской литературе XIX в., а потому многие положительные герои этого периода отличаются христианской моралью, любовью, добротой и состраданием к ближнему. По сути, положительно изображаемый человеческий характер становился синонимом «праведничества», что, безусловно, расширяет трактовку и семантическое наполнение этого понятия.

Одним из первых писателей-классиков, не только многогранно представившим в своем творчестве героя-праведника, объединившим ряд произведений в цикл «Праведники», но и предпринявшим одну из первых попыток теоретического обоснования характера и мировоззрения героя-праведника, отделив его от других характеров, стал Н. С. Лесков, который в статье «Герои и праведники» (1881) попытался обстоятельно разграничить часто смешиваемые понятия «праведника» и «героя». Писатель считал неправильным называть «героями» «людей святой жизни»: «Святые отличались возвышенными

свойствами гораздо более высокого качества, именно – праведностью. <...> прожить изо дня в день праведно долгую жизнь, не солгав, не обманув, не огорчив ближнего и осудив пристрастно врага, гораздо труднее, чем броситься в бездну, как Курций, или вонзить себе в грудь пук штыков, как известный герой швейцарской свободы» [3, 5].

Осмысливая героя-праведника, прозаик в его трактовке не ограничивается только канонизированной святостью в ее традиционном понимании, но и вписывает такого героя в сферу обыденной мирской жизни. Лесков допускает возможность утраты в понятии «праведник» ореола «религиозного правоверия» (А. А. Горелов), приблизив его к употреблению в народной среде: «для Лескова “праведники” – это те, кому труднее живется, но кто не знает нравственной муки раздвоения помысла и слова, душевного обязательства и дела, кто хранит в народе и для народа его заветы и посильно воплощает народные идеалы, кто вершит подвиг своей жизни изо дня в день, подобно легендарным святым, и тем отличается от героев» [1, 227]. Несмотря на подробную характеристику героя-праведника, его всестороннюю репрезентацию, данную писателем в конце XIX в., споры о семантическом наполнении понятия «праведник», его типологий актуальны и в настоящее время.

Современное литературоведение, изучая основные характерологические параметры типа праведника, прежде всего старается отграничить его от «положительности» изображаемого человеческого характера, в противном случае, считают ученые, границы этого типа значительно расширяются. Так, А. А. Горелов связывает «праведника» с фактическим обретением литературными героями «правды», понимаемой как истина жизни не только им самим, но и писателем [1, 234]. Однако понимание нравственно-эстетического идеала как нормы следования христианской культурной традиции, позволяет исследователям использовать по отношению к герою-праведнику такие определения, как «одинокое антики» (М. Дунаев), «мудрый старец» (А. Большакова), «герой высоконравственной культуры», «чудак» (Е. Терновская), «простец, живущий и решающий свои проблемы по наитию»

(Н. Лукьянчикова), «евангельские люди» (Е. Порошенков), «положительный герой, сориентированный на идеальный образ» (Г. Косых), «достойные персонажи» (Д. Рыкова) и др.

Примечательна и типология положительных характеров русской литературы от Пушкина до Толстого, предложенная С. А. Мартыановой [4, с. 26]. Во многом созвучной данной статье становится работа В. Е. Хализева ««Герои времени» и праведничество в освещении русских писателей XIX века» (1997), которая, на наш взгляд, явилась основополагающей в решении проблемы интерпретации героя-праведника. Ученый склонен выделять два основных типа положительного характера в произведениях русской классической литературы – это «герои времени» и «праведники». Для первого типа характерны «отчужденность сознания», «наполеоновско-байроническая гордыня», «внутреннее смятение», «болезненная рефлексия»; они строят свою жизнь и свое сознание «по книжным образцам», «подвластны умственным поветриям» [6, 111]. Это такие герои русской литературы, как Чацкий, Бельтов, Рудин, Агарин, Раскольников, Иван Карамазов и др. [6, 111-112].

Персонажи совершенно иного плана – праведники, носители национально-традиционных ценностей. Исследователь обозначает достаточно долгую традицию формирования в русской литературе подобного рода героя, отличающегося жертвенным подвижничеством, неукоснительной верностью евангельским заветам.

Работа В. Е. Хализева вызывает интерес не только подробной характеристикой двух центральных типов положительных характеров, но и предложенной классификацией героя-праведника, согласно которой в литературе XIX в. складываются две основные формы праведничества: собственно религиозная, приближающаяся к святости, и бытовая, «житийно-идиллическая» [6, 115-116]. Исходя из сложности и неоднозначности трактовки «житийно-идиллического» сверхтипа, исследователь останавливается на его рассмотрении (от древнегреческого мифа о Филемоне и Бивкиде до творчества писателей XX столетия). Такие персонажи, по мысли В. Е. Хализева, живут «без

метаний и напряженных поисков, однако благодаря нравственной интуиции и жертвенности их жизнь сближается с праведничеством и иногда в него перерастает», они «чужды каким-либо житейским метаниям и духовным смятениям <...>. При всей своей “неидеальности”, а порой и ограниченности эти люди, имеющие твердый нравственный ориентир, верны себе на своем месте, способны к ровному нравственному усилию, обладают надежной интуицией совести, чувством чести и долга, а в случае необходимости естественным образом неотвратимо обретают в себе энергию неотвратимости и подвига. Этим персонажам присуща безыскусственность и непретенциозность, свобода поведения от каких-либо масок и эффектных поз» [6, 115].

К этому сверхтипу ученым отнесено достаточно большое количество героев русской литературы XIX в. (пушкинские Татьяна Ларина, Гринев, капитан Миронов, его жена, Савельич; лермонтовский Максим Максимыч; гоголевские кузнец Вакула, Афанасий Иванович с Пульхерией Ивановной; тургеневские Лаврецкий, Марфа Тимофеевна; гончаровская Татьяна Марковна; целый ряд лесковских героев и др.), что вызвало неоднозначную оценку отечественных литературоведов.

На наш взгляд, несмотря на критический подход к классификации героя-праведника, предложенной В. Е. Хализевым, она вполне применима к изучению «авторских праведников» русских писателей XIX – начала XXI вв., о чем свидетельствует ряд современных исследований, опирающихся именно на хализевскую концепцию при изучении героя-праведника в творчестве И. С. Тургенева, Н. С. Лескова, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, Б. С. Зайцева, И. С. Шмелева, Л. С. Петрушевской и других писателей.

Обобщая опыт отечественного литературоведения по изучению праведничества и связанного с ним круга проблем, следует определить и границы понятий «праведник» и «праведничество», чаще всего рассматриваемые как семантически тождественные, поскольку представление о праведничестве всегда соотносилось с носителем этой характеристики, человеком, живущим по

христианским заповедям. Отталкиваясь от хализевской трактовки, мы понимаем под праведничеством не только строгое следование церковным предписаниям, аскетическому монастырскому житию, но и подвижническую жизнь во славу Божию в миру. В русской литературе праведничество репрезентуется, во-первых, изображением духовного пути к Божьей Правде, миру идеального бытия, во-вторых, образами героев-праведников как носителей христианских ценностей, главных трансляторов идей православия и христианской этики. Герой-праведник, с одной стороны, – персонаж, ориентированный на образ святого, живущий по строгим церковным канонам, устремленный к миру идеального бытия; с другой, – человек мирской, не лишенный недостатков, но имеющий твердый нравственный ориентир, соотнесенный с православным миропониманием.

Таким образом, как мы смогли убедиться, праведничество представляет собой специфическое художественное явление, активно проявляющее себя в русской литературе со второй половины XIX в., генезис которого и ранние формы обнаруживаются ещё в текстах Четвероевангелия и русской средневековой литературе, прежде всего в житиях, в которых начинает формироваться прообраз героя-праведника в его различных модификациях.

Библиографический список

1. Горелов А. А. «Праведники» как категория народной этической оценки и «праведнический» цикл произведений / А. А. Горелов // Горелов А. А. Н. С. Лесков и народная культура. – Л.: Наука, 1988. – С. 223-262.
2. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. / Ф. М. Достоевский. – Л.: Наука, 1985. – Т. 15. – 624 с.; т. 16. – 440 с.; т. 28, кн. 2. – 616 с.
3. Лесков Н. С. О героях и праведниках (заметка) / Н. С. Лесков // Церковно-общественный вестник. – 1881. – № 129. – С. 3-10.
4. Мартыанова С. А. Творчество подлинное и мнимое в романе И. С. Шмелева «Няня из Москвы» / С. А. Мартыанова // Художественный текст и культура. –

Владимир, 2004. – С. 40-44.

5. Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Соч.: в 12. изд. второе испр. и доп. – Т. 5. Повести и рассказы 1853-1857 гг. Рудин. Статьи и воспоминания 1855-1859 гг. – М.: Наука, 1980. – 542 с.

6. Хализев В. Е. «Герои времени» и праведничество в освещении русских писателей XIX в. / В. Е. Хализев // Русская литература XIX века и христианство. – М.: Изд-во МГУ, 1997. – С. 111-119.

7. Христианство. Энциклопедический словарь: в 2 т. / Под. ред. С. С. Аверинцева. – М.: Науч. изд-во «Большая Российская энциклопедия», 1995. – Т. 2. – 670 с.